

КАК ТРИНАДЦАТЬ ВОРОТИЛ НАРОД НАКОРМИЛИ

Жили да поживали воротилы. И было их не так много, но и не так мало, а ровным счётом тринадцать. А местными они прозывались не потому, что жили тут, – проживали-то они как раз в местах отдалённых, там, где были их сердца, то бишь деньги, хоромы-терема, благоверные с детьми, полюбовницы и прочее добро. Здесь же была та часть их имения, что они когда-то, во времена приснопамятные, за гроши присвоили, или, прямо скажем, своровали, и которая давала им немереный прибыльток.

Коротали они время и беды не знали. Но вот как-то скука обуяла то одного, то другого, а потом и всех сразу. Созвонились они, списались и решили в кои-то веки встретиться – всё некогда, важные дела, – и повеселиться. Сняли ресторан в центре столицы, с музыкой и богатым застольем, но без лишних людей – надоели!..

Пьют, едят, музыка играет – а скука не проходит.

– А ведь скоро, братцы, годовщина, – промолвил один.

– Что ещё за годовщина? – спрашивает другой.

– Как же? Как мы с вами стали богачами, большими людьми!

– И правда, если посчитать – точно! – воскликнул третий.

– Это дело нужно отметить! – продолжил первый. – А что, если нам отправиться, каждый на своей яхте, на необитаемый остров на недельку, да на такой необитаемый, чтобы там и травинки не было?

– Но на яхтах у нас должно быть всё! – поддержали его сотоварищи.

Ну как же, тузы да без всего. И решили они взять с собой вина и коньяки, припасы с деликатесами, музыку с музыкантами, прислугу высокого класса, танцовщиц широкого профиля, благоустроенные палатки, в которых будут жить только они с подругами, а остальные – на яхтах, на которых свой капитан да штурман с несколькими матросами.

Выбрали они остров, передали все дела приказчикам своим, сели на яхты и двинулись в путь...

Долго ли, коротко ли странствовали, но вот и остров их, необитаемый. Сошли на берег, – но вначале только одни, – чтобы совершить обряд, о котором столковались в пути. А надумали они ни много ни мало, как воздать хвалу *своему* создателю и благодетелю за пожалованное им богатство.

И вот сели они в кружок, напрягли свои мысли и, зажмурившись, проговорили хором заранее разученную речёвку... А когда открыли глаза, глядь – яхт-то нет! Где они?! Смотрят, но даже до горизонта нигде не видать. Обежали остров – небольшой был – нет и нет. Они уже, грешным делом, начали шупать и щипать друг дружку, не спят ли и не грезится ли им всё это. Однако не грезится... Они за смартфоны – нет связи! Хотя она была, когда они выходили на берег, связывались с «большой землёй» – с семьями, приятелями и приказчиками. Даже друг с другом связи нет. Хотя она у них спутниковая – тузы всё ж таки.

И тут у каждого, в тот же миг, как по волшебству, случился вдох и выдох, сопровождающийся долгим «а-а-а-а!». Поплыли крыши у наших деловых башен... Снова схватились они за смартфоны – хотели проверить свои счета, – хотя, знамо, Интернета-то тоже нет. Это ещё сильнее удручило их, так как что ещё страшнее для воротилы, чем невозможность лицезреть свои деньги, хотя бы в электронном виде.

– Что там с нашими счетами?! – возопили они, опять же хором.

Но мобильные банки само собой так и не отозвались. И оказались наши приятели одни-одинёшеньки на мёртвом клочке земли, посередь моря-океана, без какой-либо связи с родом людским. С неизбежной кручиной, со слезами поглядели они друг на друга – что делать? Кушать тянет, на грудь принять тянет, скучища несуетная, да и жара нещадная. А голод всё сильней и сильней, не привыкло их чрево к такому умерщвлению плоти. И тут начала видиться им самая любимая пища. Однако при виде всего этого у них, буквально обонявших все эти благоухания, в организмах жидкости никакой не было для слюноотделения. И, пошатываясь, бродили они, неприкаянные, залезали в воду и сидели там – всё полегче. Однако на второй день уж больно слабые, только лишь лежали в тени скалы и дорого бы дали за глоток воды. На острове же ни травинки, ни кустика и никакой живности. Сами выбирали пустынейший из пустынных. Никогда в жизни приятели не попадали в такой переплёт: денег горы, а пустить их в ход и поправить нынешние свои дела не могут!..

– Люди, люди! – простонал один.

– Вот кабы сейчас люди узнали о том, что с нами случилось, помогли бы как советские! – промолвил другой.

– Ведь мы тоже и сами были когда-то пионерами, а закон у них – помочь дружбану в беде, – в беспомощности пролепетал третий.

– Я бы полцарства отдал тому, кто вытащит меня отсюда! – из последних сил вскричал, как ему казалось, четвёртый.

– И я! И я! И я! – присоединились к нему остальные.

...А под утро, очнувшись от своих ночных кошмаров, один из них начал тормошить других:

– Смотрите! Смотрите!

– Да что?.. Что такое?.. Где, что?..

– Да вон там!.. – И показал им вдаль.

В глубине острова копошились люди... Поднялись воротилы, или то, что от них осталось, и побрели туда, куда указывал их приятель по несчастью. Подошли... И правда, люди – мужчины, женщины и дети, по виду бедные, несчастные, больные. А рядом валяются пустые пузырьки из-под настойки пустырника.

– Вы кто?

– Да мы... вот... работы нет... у предков пенсии – на крышку гроба не хватит... А цены и плата за ЖКХ о-го-го! – отвечают.

– Понятно... А как вы здесь оказались?! – опомнившись, удивлённо спросил один из воротил.

И как только он это произнёс, всё мгновенно исчезло.

Вернулись горемыки в тень скалы и в полной немощи опустились на камни. Однако одна беда не ходит, и морока их продолжилась. Им всё что-то, не переставая, мерещилось. Казалось, что они что-то возглашают и кличут куда-то других. Но посторонний наблюдатель, если бы таковой оказался рядом, заметил бы только тихое бормотание и лёгкое шевеление рук и ног. А ещё им виделось, будто каждый из них доброволец – надо же такому привидеться! – и, засучив рукава, пособляет нищим и горемычным: кто кашу раздаёт, кто старается медбратом, кто расселяет их в специально построенные жилища...

Так и лежали они, вконец измученные жаждой, голодом и химерами, уже едва не в обморочном состоянии. А ночью поднялся сильный ветер, стало холодно. Они, дрожа, очнулись. Светила полная луна, яркие крупные звёзды низко висели в южном небе.

И уже когда ни одна дума не приходила в голову, по какому-то наитию сели друзья в тесный кружок, прижавшись спинами друг к другу, и взмолились, но уже не *своему* покровителю, как при сходе на берег, а Отцу Небесному, о котором когда-то читали, и как учил тому Тот, Кто бичом изгонял барышников из храма (что им раньше сильно не нравилось...).

И вдруг разверзлись небеса и раздался глас свыше, повторявший одни и те же слова, что громом раздавались в ушах этих измученных существ: «Отдай награбленное! Отдай награбленное!..»

Это невозможно было снести... И вдруг зазвонили телефоны. – Связь есть! Они опустились на камни и потянулись к ним. А голос всё звучал. Не отвечая на звонки, приятели трясущимися пальцами открыли свои мобильные банки, свои счета и стали переводить деньги с них в «кошелёк» державы,

что раньше держали за свою вотчину-рашку, в народные предприятия, больной детворе, в детские же дома, в медицину, в образование... И делали это почти до полного обнуления счетов.

Голос перестал, и они забылись тяжким сном...

А когда открыли глаза и, поддерживая друг дружку, с трудом, шатаясь и падая, встали на колени, то увидели у берега свои яхты идвигающиеся к ним шлюпки с людьми...

...А в державе все СМИ, захлёбываясь и стараясь лишиться одного другого первенства, как это обычно с ними бывает, наперебой стали оповещать весь подлунный мир о великом чуде, о благословении Небес, по которому наконец наступила пора правды и благоденствия.

А НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ-ТО СПОДРУЧНЕЕ...

Перефразируя известное высказывание Л. Н. Толстого, можно сказать: все счастливые люди похожи друг на друга, а все несчастные несчастны по-своему...

Вот жилось бы мировым воротилам и жилось, так нет – подавай им плавающий город, да не просто, а на сорок тысяч человек. То бишь на все их триста семейств – с сёстрами-братьями, детьми, внуками и правнуками. И жилось бы им уже и поживалось в покое, ибо столько добра нажили, что и не счесть, так снова нет – решили они сотворить полную перестройку всего белого света: ни много ни мало – поголовно заменить трудящихся людей робами¹ под началом ИР². А всех жителей Земли-матушки за ненадобностью без остатка извести, напустив на них нарочно придуманную заразу-убийцу, а тех, кто устоит, доизвести, но постепенно, с помощью особых укулов. Решили даже не оставлять никого для присмотра за этими самыми робами и, как говорится, для смазывания-ремонта, а также для создания их вновь, и вкупе с ними надсмотрщиков за этими ремонтниками. Ибо боялись, что снова размножится род людской на земных просторах. И всё – от аза до ижицы – постановили возложить на робов.

Долго ли, коротко ли дело делалось, а было сделано, тем более что оно шло без каких-либо помех и сделок между уже ненужными им, воротилам, нынешних царств и королевств, и шло довольно-таки проворно. И вот наконец остались они со своими семействами на этом плавающем острове и беды не знают. Наслаждаются почти натуральным климатом, чистым воздухом, а роботы снабжают их всем нужным и обороняют от всех мыслимых и немыслимых угроз. Рай, да и только!

Жили они, жили, у внуков уже дети народились, всё хорошо – лучше не бывает. Но что-то тоскливо им всем стало. Куда ни пойдёшь – одни и те же виды, одни и те же физиономии, – всё одно. И так годы и годы. И вот одному из воротил, как говорится, вожжа под хвост попала. Не хочу, мол, тут со всеми вековать – подавай мне особый плавающий город. Приказал он ИР, а тот, соответственно, робам построить его семейству отдельную такую обитель. И построили – долго ли умеючи, когда все золотые горы, молочные реки и кисельные берега в подчинении. Переехал он со своими домочадцами, и стали они жить-поживать припеваючи. Однако, как известно, пример заразителен. И другие воротилы сделали то же самое, а общее своё место жительства оставили про запас, на всякую оказию. Все довольны, жизнь, продлённая новыми разработками ИР донельзя, продолжается.

Живут, дни за днями идут (а день у них уже стал, что твой год), но то ли хворь какая на них напала, то ли что, а каждый из воротил, чуть не в одночасье, восхотел освободиться от одинаковости своего бытия. К тому же сородичи его не то по этой же причине, не то от кровосмесительства – ведь других людей нет, все свои – впали в умопомрачение. А также стали чуть ли не в очередь становиться к воротиле – как ко всему голове – со своими вопросами, тяжбами и затеями. Что делать?

И каждый из воротил, кто немного раньше, кто немного позже, решил устроить себе отдельный плавающий замок и удалиться в него, чтобы не видеть и не слышать никого и ничто.

А ИР, поняв это уединение как приказ, по уже налаженной схеме, ничего не уточняя, устранил и «сородичей», подобно прежнему устранению обитателей Земли. И не так долго это делалось, но было сделано. Зажили воротилы сам-один лучше и помыслить нельзя: на всём готовом и без всякого народа...

Шли годы, роботы трудились, снабжали всем и под управой ИР за здоровьем их следили, упреждая даже ничтожные от него уклоны. А воротилы, каждый в своём обиталище жили, как хотели, ни перед кем не конфузясь, ничего не страшась, вольными особями: хочу – в чём мать родила буду ходить, хочу – ни мыться, ни бриться не буду, хочу – на дерево залезу и там орехи щёлкать буду или кокос грызть. А захочу – и на четвереньках ходить стану: так, на поверку, и проще, и сподручнее...

¹ Авторское название роботов.

² Искусственный Разум.

И перестали они изъявлять желанья да пожеланья свои, перестали походить на человеческие существа: забыли человеческую речь, обросли, завоняли...

А ИР вкупе со всеми робами действовали по трём правилам:

- исполнять приказания повелевающих особ;
- налаживать все условия для жития тех особ и всех их сожителей;
- ежели нельзя исполнять первые два правила, по причине неимения повелевающих особ и их сожителей, приступить к творению вновь рода людского, для чего было задолго, наряду с ИР, налажено и хранилище семени и женских яйцеклеток.

И ИР, присмотрев пригодный уголок Земли с потребными условиями, принялся за творение нового человечества. А тот, недавно образовавшийся, малочисленный отряд человекоподобных обезьян, из-за неимения самок, довольно скоро вымер...

ЗАЯЧЬИ БОИ

Сошлись как-то волки, хоть и немного их осталось, сошлись на свой сход – обсудить свои волчьи нужды, да и просто потолковать. И в конце, когда уже и толковать было не о чём, поднялся один серый и предложил:

– Что мы зайцев-то всё ловим да едим, ловим да едим... Скучно и нудно. Почему бы нам не спроворить для забавы заячьи бои?

– Как так? – раздалось на поляне.

– А вот так: пусть они точат лясы и перечат один другому, препираются, бранятся, режутся на словах и увещевают один другого, мы же будем слушать, потешаться и, вообще, наслаждаться. Не всё же нам после еды давить ухо да по ночам выть на луну.

– А есть-то мы будем их, зайцев-то?

– А как же! Будем, да ещё как! Но только не этих. Эти пусть нас забавляют, мы их и морковкой кормить будем после действия, не убудет с нас – зато весело заживём.

Разобрали всё по косточкам волки, побились об заклад раз, другой и третий, да и сошлись – тому быть!

Изловили они восемь зайцев, правда, только сухопарых, так как более упитанных, удержу нет, съели. Разделили их на две дружины – какой же взаправдашний спор без того? Один устал, другой ему на смену заступает. И стали потихоньку приучать и морковкой кормить – зайцы-то со временем и вовсе ручными стали: ходят осанисто, судят да рядят, а по вечерам дружина на дружину набрасываются. Да и то, волк, ответственный за это дело, наущает их, мол, позлее, позлее будьте, один на другого нападайте как на злейшего своего супротивника. Кто будет так выступать, да со смыслом, да с вывертом и страстью, тот получит двойную, а то и тройную порцию морковок.

Долго ли сказка сказывается, да недолго дело делается. А оно пошло. Даже волчье телевидение заинтересовалось и стало передавать на все волчьи поляны. И на морковку теперь этим волкам-строителям не приходилось тратиться. А зайцы, знай, хрумкают морковь, но всё ж на волков косятся, косятся. Один не выдержал и говорит:

– Не верю, братцы, я им. Съедят они нас, за милую душу съедят!

– Да брось ты! – ответил ему другой. – Мы же им полезны. Смотри, как смеются и хлопают!

– А может, это начало нового житья – согласия между зайцами и волками?! – воскликнул третий.

– Да, жди... Не дождёшься, – возразил ему первый.

Но так или иначе, а деваться-то некуда – взялся, как говорится, за гуж... И бьются зайцы на говорильной сече, аж до потери сознания порой, а после в очереди за морковкой улыбаются друг дружке да приятельски толкуют меж собой.

Так и жирели наши зайцы, и до того разжирели, что многие волки, сидевшие вокруг поляны боёв, уже облизываться стали да задумываться – а не съест ли нам их?

Так и шло: зайцы косятся, а волки подумывают. И чем больше зайцы косятся, тем больше волки задумываются, а чем больше волки думают, тем больше зайцы косятся...

Сколь долго бы всё это тянулось и чем разрешилось, неизвестно, не случись нежданное, нежданное. Откуда ни возьмись, появились в лесу тигры, да как раз в тот момент, когда на поляне происходило это самое действие. Да до того свирепыми оказались те тигры, что сразу, недолго думая, окружили то место говорильное и, издав боевой рык, растерзали в миг тех волков и зайцев в клочья и... съели.

На том и закончились заячьи бои со страхами и волчьи мечтания.